

РЕЦЕНЗИИ

И. Н. ХРАПУНОВ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТОЛИЦУ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ГОСУДАРСТВА

(к публикации книги: Зайцев Ю.П. Неаполь скифский

(II в. до н. э. – III в. н.э.).

– Симферополь: Универсум, 2003. – 212 с., ил.)

Городище на окраине Симферополя известно каждому, кто интересуется историей Северного Причерноморья в античную эпоху. Чаще всего его отождествляют с крепостью Неаполь, упомянутой Страбоном и "Декретом в честь Диофанта". Общепринятые представления об этом памятнике сложились, главным образом, в результате работ Тавро-скифской экспедиции 1940–50-х гг. и, в первую очередь, благодаря публикациям П.Н.Шульца и Т.Н.Высотской. В самом общем виде они сводятся к тому, что Неаполь скифский возник в IV или III в. до н. э. (в этом пункте имеются разногласия) и существовал в качестве столицы позднескифского государства до середины III в. н. э. Как это не удивительно, результаты раскопок городища не опубликованы по общепринятым археологическим правилам: план раскопанного участка, его стратиграфия, архитектурные остатки и артефакты, связанные с тем или иным слоем. Поэтому мы довольно много знаем о выводах исследователей, но очень мало об источниках, на основании которых они были сделаны. Эти замечания не касаются, однако, оборонительных сооружений и, с оговорками, некрополя. Результаты их раскопок опубликованы с соблюдением принятых в археологии норм. Интерпретации у разных авторов, естественно, разнятся, но, во всяком случае, предмет обсуждения, в виде планов, стратиграфий и рисунков вещей, налицо. С публикацией исследований большей части территории городища дело обстоит гораздо хуже.

Ю.П.Зайцев проделал значительную работу, обобщив материалы раскопок, проводившихся начиная с 1827 г. на разных участках городища. Он разделил многочисленные здания, обрывки кладок, полуземлянки и связанные с ними комплексы находок, а также погребения, открытые на городище, на шесть стратиграфических горизонтов. Это позволило гораздо внимательнее присмотреться к каждому из строительных периодов, а всей истории поселения придало необходимую диахроническую глубину. Более половины объема книги занимают тщательно подобранные, хорошего качества рисунки, с помощью которых автор иллюстрирует весь ход своих рассуждений. В результате, Ю.П.Зайцев демонстрирует читателям историю Неаполя, без большого преувеличения можно сказать, во всем отличную от привычных представлений,

сложившихся при чтении работ его предшественников. Введение в научный оборот значительного нового материала и переосмысление старого делают обсуждаемую монографию чрезвычайно информативной и интересной. Однако следует предостеречь читателя от абсолютного доверия к новым реконструкциям. Помимо частных замечаний, высказанных ниже, к этому побуждают некоторые общие соображения. Новая монография не решает основной проблемы памятника. В ней почти нет, за исключением тех участков, которые исследовал сам Ю.П.Зайцев, публикации подлинных планов и стратиграфических разрезов. В большинстве случаев остается не ясным, на каком основании к одному стратиграфическому горизонту отнесены те или иные артефакты и архитектурные остатки, разделенные, подчас, десятками или даже сотнями метров не исследованной площади. Архитектурные реконструкции, которыми книга насыщена очень щедро, нигде в тексте не обоснованы. У нас, конечно, нет оснований не доверять автору, но естественные вопросы и сомнения, возникающие по мере знакомства с книгой, разрешить невозможно. Наибольшее удивление вызывает то обстоятельство, что Неаполь, если к тексту монографии отнестись некритически, во все периоды своего существования представляет собой совершенно уникальное поселение. Архитектура его построек, планировка, открытые на городище погребальные сооружения не имеют, в подавляющем большинстве случаев, аналогий ни на поселениях позднескифской культуры, ни в античных городах, чье заметное влияние испытывал, как отмечалось исследователями, главный город поздних скифов. Облик Неаполя, если судить по тексту монографии, как минимум трижды радикально изменялся, каждый раз приобретая не только совершенно новые, но присущие только ему одному основные черты. Таким образом, поселение, имеющее с другими позднескифскими памятниками много общего в оборонительных сооружениях, традициях керамического производства, торговых связях, погребальных обрядах, своей архитектурой и планировкой, а на одном из этапов даже отсутствием таковых, выделяется в нечто совершенно особенное. Рассуждая теоретически, этого исключить нельзя, но реконструкции, если нет возможности опираться на аналогии, требуют особенно тщательного иного обоснования, чего, как уже говорилось, в книге нет.

Теперь перейдем к более или менее частным замечаниям, касающимся различных аспектов истории древнего поселения. Начнем с вопроса о времени основания города. По мнению Ю.П.Зайцева, он возник во второй четверти – середине II в. до н. э. При раскопках Неаполя найдено более 40 синопских клейм на черепице IV в. до н. э., а также 30 херсонесских клейм на ручках амфор, в том числе немало датирующихся IV-III вв. до н. э. (с. 13)¹. Ю.П.Зайцев отказывается использовать эти клейма для обоснования времени основания Неаполя. Он ссылается, во-первых, на их частые находки совместно с родосскими клеймами второй половины II в. до н. э. и, во-вторых, на мнение А.С.Голенцова и В.К.Голенко, в соответствии с которым, старую синопскую черепицу привозили из захваченных скифами в конце III – II вв. до н. э. населенных пунктов херсонесской хоры. Второй из этих аргументов не выдерживает критики с позиции здравого смысла. Получается, что скифы вывозили из греческих центров черепицу более чем столетней давности, пренебрегая современными им изделиями. Первый аргумент тоже небезупречен. Во всех слоях Неаполя, как и любого другого долго существовавшего поселения, есть “примесь” более раннего материала. Другое

дело, что на раскопанных участках нет слоя, соответствующего по времени синопским и херсонесским клеймам. Заметим также, что Ю.П.Зайцев упомянул далеко не все находки, сделанные при раскопках Неаполя и относящиеся ко времени более раннему, чем предложенная им дата возникновения поселения. Речь идет об обломках амфор различных центров, в том числе синопской клейменной и довольно значительной коллекции фрагментов чернолаковых сосудов [1, с. 130-138; 2, с. 9]. Таким образом, большая группа источников просто не принимается автором монографии во внимание, отбрасывается как не соответствующая его представлениям о времени возникновения поселения. Не сделано даже попытки объяснить, каким образом в только что основанное поселение попали сотни амфор, большие партии черепицы, столовые сосуды, произведенные за много десятилетий до этого. Читатель вправе рассчитывать на такое объяснение, касающееся важнейшего для темы данной монографии вопроса. Традиционное (и единственно логичное) предположение о существовании на мысу, занятом городищем, слоев IV-III вв. до н. э., еще не открытых раскопками, отвергается без какой-либо аргументации (с. 13).

Значительный интерес представляет слой с кизил-кобинской керамикой, открытый в северной части мыса, занятого городищем (с. 16). Находки кизил-кобинской керамики при раскопках позднескифских памятников дело самое обычное, но еще ни разу не был зафиксирован кизил-кобинский слой, подстилающий позднескифский. Подобная ситуация, к стати говоря, фиксируется при раскопках античных поселений, входивших в состав как Боспорского, так и Херсонесского государств. Поэтому до сих пор не ясно, оставались ли носители кизил-кобинской культуры – тавры – на своих местах ко времени прихода скифов, или скифы заселяли места уже оставленные ими. Ю.П.Зайцев не сомневается в том, что верно второе предположение. Однако сообщаемые им краткие сведения о слое с кизил-кобинской керамикой порождают вопросы, не имеющие ответов, по крайней мере, до полноценной публикации результатов раскопок. Так, вызывает удивление место, избранное таврами для поселения. Все поздние кизил-кобинские памятники располагаются совсем в иных топографических условиях [3, с. 25], а именно в таких, как те кизил-кобинские поселения, что находились на склонах возвышенности, вершина которой позднее была занята Неаполем. Забираться на безводный обрывистый мыс имело смысл только в том случае, когда необходимо было строить оборонительные сооружения. Однако таковые в кизил-кобинской культуре не известны. Судя по описанию Ю.П.Зайцева, в слое найдено около тридцати черепков с врезным орнаментом и множество амфор разных центров. Такое сочетание находок совершенно не характерно для кизил-кобинских поселений. Во всех случаях фрагменты лепных сосудов в количественном отношении во много раз превосходят обломки амфор. Наверняка в слое были сделаны и другие находки, в частности фрагменты лепных сосудов не украшенных врезным орнаментом. Сколько и какие? На этот вопрос в монографии не дается ответа. А жаль, так как именно от него зависит определение культуры, носители которой оставили обсуждаемый слой. Пока его кизил-кобинская принадлежность далеко не очевидна.

Наибольшее внимание Ю.П.Зайцев уделяет раскопу "А-Б-В". Это и понятно, в раскопе открыты разнообразные постройки, многие из которых относятся к неплохо освещенному письменными источниками периоду правления скифских царей Скипура и Палака. Большинство из них, по мнению автора монографии,

составляли единый комплекс, который он называет южным дворцом. Последний термин не кажется удачным. В русском языке слово "дворец" означает либо резиденцию монарха, либо просто большое роскошное здание. Ю.П.Зайцев нигде не оговаривает это специально, но из контекста следует, что он употребляет термин именно в первом смысле. Мегароны были, по его мнению, одновременно и домами знати, и культово-общественными комплексами (с. 26). Трудно представить себе здание менее подходящее для совмещения подобных функций, чем мегарон. Ведь он состоял всего лишь из одного помещения. В мегароне "Н", как в наиболее выдающемся здании дворца, якобы жил царь со своими домочадцами, и в том же помещении постоянно происходили общественные церемонии и трапезы (с. 28). Здравый смысл отказывается мириться с подобными представлениями. Каких-либо доказательств пребывания в этом здании царской семьи автор не представил. Ю.П.Зайцев нигде не очерчивает границы дворца. Вроде бы из текста книги следует, что это мегарон "Н" и ближайшие к нему постройки, хоть и не совсем ясно, какие именно. Однако через некоторое время выясняется, что во дворец входили и героон Аргота, и мавзолей Скипура (с. 27). Таким образом, границы дворца совершенно размываются. Ведь вырубка в скале, которую Ю.П.Зайцев называет герооном Аргота, находится вне пределов, ограниченных "парадным фасадом дворца", а мавзолей Скипура расположен вообще за оборонительными сооружениями поселения. Если словосочетание "южный дворец Неаполя скифского" войдет в литературу, а это вполне вероятно вследствие его частого употребления Ю.П.Зайцевым, то, таким образом, будет закреплено ложное представление об открытии на окраине Симферополя резиденции скифских царей. Дворец останется эфемерным до тех пор, пока Ю.П.Зайцев не объяснит, каковы были его границы, какие постройки в него входили и каковы были функции каждой или, по крайней мере, большинства из них.

Стратиграфия раскопа "А-Б-В" подробно изучена (и отражена в публикации) при раскопках мегарона "Н" и непосредственно примыкающей к нему территории. Стратиграфические разрезы более южных участков не опубликованы. Поэтому остается не ясным, каким образом Ю.П.Зайцеву удалось соотнести изученные им слои, а подчас даже прослойки, с напластованиями, образовавшимися, например, над местом предполагаемого погребения Аргота или с конкретными захоронениями в мавзолее и на этом основании датировать их, иногда с точностью до года.

Основой для истолкования стратиграфии участка мегарона "Н" и датировок различных событий с изумительной точностью послужило допущение о ежегодном обмазывании пола этого здания глиной, в чем заключался "глубокий сакральный смысл" (с. 13). Таких глиняных прослоек удалось насчитать 23, после чего здание было разрушено. Родосские клейма и другие находки позволили предложить датировку от 135/131 до 112/108 г. до н. э. Пусть так. Но почему в восстановленном по прежнему плану здании, которое не утратило, по мнению Ю.П.Зайцева, дворцовых функций удалось зафиксировать всего 10 полов? Ведь в перестроенном виде дом функционировал достаточно долго, по археологическим данным около 150 лет (I в. до н. э. — середина I в. н. э.). На самом деле его использовали, конечно, менее продолжительное время, но наверняка намного дольше, чем 10 лет (с. 30). Почему же прервалась традиция ежегодного подмазывания полов вместе с ее сакральным смыслом? На этот вопрос мы не найдем ответа в монографии.

Вырубку в скале, рядом с которой обнаружены обломки надписи, упоминающей Аргота, Ю.П.Зайцев принимает за героон этого царя. Он полагает,

что скальную крошку из вырубки распланировали вокруг, в частности, в направлении с севера на юг от “здания с портиками” до оборонительной стены, а сотрудники Тавро-скифской экспедиции приняли этот выброс за парадную вымостку городской площади. Параметры вырубки, приведенные Ю.П.Зайцевым (с. 24), свидетельствуют о том, что из нее нельзя было извлечь более 50 м³ скальной крошки. Расстояние от этой вырубки до городской стены, судя по плану (рис. 7), составляло около 17 м. Следовательно, всю скальную крошку можно было разместить полосой менее 3 м ширины и 10 см толщины между вырубкой и стеной. При этом скальной крошки уже не оставалось для распределения ее по трем остальным сторонам. Совершенно очевидно, что вымостка, зафиксированная во время работ Тавро-скифской экспедиции, иного происхождения.

Отметим еще одну несообразность. Если судить по плану (рис. 7), расстояние между “герооном Аргота”, зданием, между прочим, семиметровой высоты (рис. 35), и “парадным фасадом дворца” (или “зданием с портиками”) составляло чуть более 1 м, причем обе эти постройки создавались якобы одновременно (с. 23). Не нужно быть архитектором, можно быть даже варваром, но все равно сообразить, что при таких условиях значительная часть фасада не будет видна и, следовательно, усилия, затраченные на его создание, окажутся напрасными. Объективная логика подсказывает, что фасад здания возводился без расчета на будущее перекрытие его другой постройкой, а следовательно раньше “героона”.

Реконструкция фасада “героона” (рис. 35) не обоснована ни одним словом, тем более – не аргументирована по существу. Ю.П.Зайцев почему-то решил, что фрагменты архитектурных деталей, найденные между вырубкой в скале и “зданием с портиками”, относятся именно к вырубке. Ранее эти детали (в том числе и самим же Ю.П.Зайцевым) использовались в реконструкции “здания с портиками”. Какие новые данные позволили с помощью тех же деталей восстановить фасад другого здания, не объясняется. Не понятно, почему у Ю.П.Зайцева сложилось мнение о герооне Аргота, как о постройке “выполненной профессионально даже по меркам греческой архитектуры” (с. 27). Ведь от этого здания сохранился только вырубленный в скале котлован. К слову сказать, восстановление самой надписи, позволившее назвать вырубку в скале основанием гробницы Аргота, вероятно, вызовет еще много вопросов у специалистов. Ведь, согласно опубликованному переводу, каменную гробницу Арготу поставил человек, не назвавший себя по имени, но почему-то перечисливший свои (а не погребенного) подвиги. Кажется, с надписью такого жанра эпиграфической науке придется иметь дело впервые. Эпиграфисты, наверное, будут очень сетовать на качество фотографии этого памятника (рис. 41), тем более, что в первой публикации фотографии не было вообще [4]. К тому же и место хранения надписи указано неверно (с. 52), что затруднит обращение к оригиналу.

Реконструкция парадного фасада южного дворца тоже вызывает удивление (рис. 27; 48). Он представлял собой сначала двух, а потом трехэтажное здание, увенчанное парапетом. С севера вплотную к нему было пристроено другое здание “Р”, открывавшееся фасадом на север, то есть в сторону мегарона “Н”. Конечно, никаких обоснований подобной реконструкции в тексте монографии нет, как нет и указаний на аналогичные архитектурные решения в какой-либо иной, например в античной, культуре. Но самое удивительное заключается в том, что этот фасад, несмотря на всю его фундаментальность, в реконструкции Ю.П.Зайцева не имеет даже единственной двери. Последнее обстоятельство объясняется, вероятно,

отсутствием следов дверных проемов в реально открытой на этом месте довольно монументальной стене. В этом отношении старые реконструкции обсуждаемой постройки в виде сплошной стены, заканчивающейся с двух сторон портиками, вызывают больше доверия. Правда, и они не имели сколько-нибудь подробного архитектурно-археологического обоснования. Если же "парадный фасад дворца" "имел вид стены с выступами-пилонами" (с. 24) непонятно, почему на графической реконструкции на нем нарисованы два ряда окон. Стена с окнами, как отдельное здание – это, кажется, совершенно новое слово в архитектуре.

Никак не объясняется наличие второй, кроме "героона Аргота", вырубки в скале. Она находилась, по мнению Ю.П.Зайцева, в пределах так называемого южного дворца и именовалась сотрудниками Тавро-скифской экспедиции "домом с полуподвалом". Странно, что это заметное, расположенное в весьма ответственном месте сооружение никак не интерпретировано исследователем. Он лишь обмолвился, что в период расцвета дворца в этом котловане, также как и в землянке № 3, расположенной у самого входа в мегарон "Н", "начали накапливаться локальные выбросы зольного мусора" (с. 24). Значит, на совсем небольшой территории дворцового комплекса, перед фасадом его главного здания находились две большие ямы, использовавшиеся в качестве свалок? Это допущение не очень вяжется с представлениями о дворце, даже варварском. Между тем, наличие однотипных, расположенных примерно в 16,5 м друг от друга и одновременных объектов должно обратить на себя внимание, особенно учитывая отсутствие чего-либо подобного на других раскопанных участках городища.

Рассуждая о периоде жизни поселения, датируемом I в. до н. э. – серединой I в. н. э., Ю.П.Зайцев рассматривает Битакский могильник как некрополь Неаполя. Это далеко не очевидно. Чтобы добраться до него от городских стен, по дороге нужно было преодолеть явно больше 1 км, при этом спуститься в долину и переправиться через Салгир. Непонятно, зачем это нужно было делать, если буквально рядом с городом использовались два могильника и места для захоронений на их территориях оставалось более чем достаточно.

Ко второй половине I – третьей четверти II в. н. э., по мнению Ю.П.Зайцева, нельзя отнести ни одной жилой или хозяйственной постройки. Тем не менее, оборонительные сооружения использовались и даже ремонтировались, по всему городищу и за его пределами накапливался культурный слой, представленный золистыми отложениями и многочисленными зольниками, в том числе и очень крупными. В слоях сделано множество находок самых разнообразных вещей, включая культовые предметы и произведения искусства. Кроме того, на территории поселения, поблизости друг от друга было совершено несколько захоронений в вырубленных в скале могилах. Среди них воинское всадническое захоронение, известное по предыдущим публикациям как "погребение аланского военачальника". На пригородной территории функционировало святилище, представлявшее собой площадку, на которой установили три больших менгира. На некрополе продолжали совершать многочисленные погребения. Нечего и говорить, что крепость, внутри и перед оборонительными стенами которой накопился значительный культурный слой, но нет ни одной постройки, представляет собой совершенно уникальное явление.

Нарисованная Ю.П.Зайцевым картина, в соответствии с которой кочевники на протяжении более сотни лет в зимнее время года расставляли под защитой крепостных стен и перед ними многочисленные юрты, производили огромное

количество мусора и хоронили на старых некрополях, используя, в том числе, ранее функционировавшие склепы, лишь подчеркивает уникальность ситуации. К тому же непонятно, как сохранялась культурная преемственность между предшествующим и последующим периодами использования крепости, которая совершенно очевидно проявляется в архитектуре жилых и хозяйственных построек, в традициях керамического производства, в погребальном обряде.

В последней четверти II – первой половине III в. н. э. оборонительные сооружения были заброшены. Однако с этим периодом на всем городище связаны выразительные культурные слои и довольно плотная, особенно на северном участке, застройка. Выкапывается множество ям для хранения зерна. Вновь Неаполь оказывается уникальным поселением. Главное отличие от других позднескифских крепостей – отсутствие оборонительных сооружений. Ю.П.Зайцев полагает, что в это время Неаполь был центром аграрной территории и местом концентрации запасов зерна (с. 40). Если оборонительные сооружения для такого центра не требовались, зачем понадобилось устраивать его на безводном плато? Возможные преимущества этого места в виде предшествующей застройки были, по мнению Ю.П.Зайцева, утрачены за те полтора столетия, когда на месте крепости ставили свои юрты кочевники, а старые каменно-сырцовые здания разрушились. Все это выглядит довольно странно, особенно в свете того обстоятельства, что скифам приходилось испытывать трудности военного характера, в частности, воевать с Боспором, и потому оборонительные сооружения других крепостей они поддерживали в порядке. Строители очередного, на этот раз “северного дворца” могли бы позаботиться о его защите, по крайней мере, не допуская разрушения уже существовавших оборонительных сооружений.

В приложении Ю.П.Зайцев уточняет многие важные детали строительной истории мавзолея скифской знати и совершенно по-новому реконструирует погребальные обряды, совершавшиеся во время некоторых захоронений, в том числе самого первого и самого богатого из них. Об этом сюжете кратко говорилось в другом месте [5, с. 176, 177].

Книга Ю.П.Зайцева несомненно принесет пользу ее читателям. Новый взгляд всегда интересен. Бросается в глаза стремление автора переписать историю знаменитого поселения, начав ее как бы с чистого листа. Создается впечатление, что он стремится получить из источников больше информации, чем они могли бы дать в принципе, во всяком случае, при использовании современных методик. Поэтому, если прибегнуть к избитому сравнению, картина жизни древнего города, написанная автором монографии очень смелыми мазками, получилась местами не реалистической, а импрессионистской, отражающей его интуитивные ощущения, а не выводы, прямо вытекающие из анализа материалов археологических раскопок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
2. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Симферополь, 2003.
3. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, 1996.
4. Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя скифского (предварительная публикация) // Археология. 2003. № 1.
5. Храпунов И.Н., Власов В.П., Масыкин В.В., Мульд С.А. Рец.: Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 118. 228 с., ил. // РА. 2003. № 1.